

ИСТОРИЯ МОЕЙ МАМЫ

Елена ГЛАГОЛЕВА

Накануне войны моей маме Татьяне Николаевне Галочкиной приснился сон: тяжёлые чугунные утюги стоят рядами и стреляют, стреляют. Я часто просила маму рассказать о войне, а однажды мы записали мамины воспоминания:

«В 1940 году я окончила зубо-врачебную школу города Ярославля и, проработав чуть больше года в костромском селе Матвеево, в феврале 1941-го написала письмо министру Вооружённых сил о желании быть зачисленной в кадры РККА по специальности. Ответ пришёл положительный.

В конце февраля я получила направление в Белорусский особый военный округ. Также поступила моя однокурсница Зоя Максимовна Быкова из Грязовца, которую, по недоразумению, направили в мою воинскую часть, а меня – в её.

В начале марта меня откомандировали в город Брест. Стояла тёплая солнечная погода. Через реку Муховец перекинулся высокий мост. Я шла к военкомату в новенькой военной форме. Мальчик на углу дома чистил сапоги. Работая щёткой, он сказал мне, улыбаясь: «Настоящий артиллерист, только «шпалы» прицепить!».

Оказалось – моя воинская часть расположена в местечке Желудок Барановичской области. Жила я там в гостинице. Позднее ездила в Брест за вещами.

105-й авиабазой командовал подполковник А.П. Кузьмин, а командиром полка был майор А.А. Скворцов (как потом выяснилось из разговора – мой земляк!).

В мае 1941 года передислоцировались в лагеря, в местечко Лунно Белостокской области. Часть располагалась

Снимок из газеты «Северный край» от 6.03.1941. Недавно окончившие Ярославскую зубо-врачебную школу молодые зубные врачи, работающие в сельских больницах, прибыли в Ярославль для обмена опытом и повышения квалификации. На снимке: преподаватель школы тов. Файнберг беседует со своими бывшими ученицами. Слева направо: Л. Огородникова, Т. Галочкина, О. Шухова, Е. Файнберг, М. Крупеникова, А. Смирнова, В. Коптева. Фото П. Цветкова.

на берегу реки Неман. Река широкая, вокруг всё цело, дни стояли чудесные.

К тому времени участились военные тревоги. Немецкие войска были сосредоточены у нашей границы. О войне говорили, но всё произошло внезапно...».

Вот как пишет в газете «Северный край» от 23.05.1976 в статье «Генерал в небе и среди плотников генерал» Виктор Храпченков об Арсении Александровиче Скворцове: «Полк

стоял на границе, нападения ждали. 21 июня рассредоточили самолёты. Утром над аэродромом повисла чёрная туча – шесть девяток «мессершмиттов». Разве успеть подняться тяжёлым бомбовозам! Но лётчики приняли бой. Бой, не описанный ни в одном учебнике военного искусства: с земли, из турельных пулемётов бомбардировщики били по воздушным пиратам.

Мама написала генералу письмо, в котором вспоминала утро 1941 года,

Елена ГЛАГОЛЕВА

родилась в 1956 году в Ярославской области. Детство прошло на северных просторах Кольского полуострова. Там же окончила Кировское медицинское училище. Уже пятнадцать лет живёт в Ярославле, работает медицинской сестрой в детской поликлинике. С 2004 года является постоянным участником Ярославского историко-родословного общества. С 2005 года часть свободного времени оставляет на посещение областного архива. Изучая историю своей семьи, узнала много интересного о жизни земляков, полюбила наш удивительный Романов-Борисоглебск.

Мама с сотрудниками.
Город Зорау, Германия.
Эвакогоспиталь
№ 3013. Лето, 1945 г.

Майор м/сл. К.Е. Мармур,
начальник эвакогоспиталя
№ 3013.

Католический крест,
с которым мама
выходила
из окружения.

спрашивала, не он ли был в то время командиром полка.

Ответ от 18.09.1976 года: «Да, всё так и было. Я был командиром 16 полка – майор Скворцов. Первое боевое крещение принимали рано утром 22 июня 1941 года. А когда по радио объявили о начале войны, о вероломном нападении фашистской Германии, мы, уже похоронив 15 убитых товарищей, отходили пешком, кто в чём был, потеряв все боевые самолёты полка, но сохранив лётные кадры. Это было в 12 часов дня».

Далее мама вспоминала: «Началось долгое отступление. Я отстала от своей части. Работала в медсанбате. По дорогам шли беженцы. Немецкие самолёты часто бомбили. Было много раненых.

В октябре в брянском лесу немцы окружили наши госпитали. Была страшная стрельба, казалось – искры сыплются из глаз. Я выпрыгнула из машины. Бежали куда глаза глядят. Попала в болото. Затянуло уже по

уши. Спас доктор Горячкин. Дальше передвигались небольшими группами. Питались, чем придётся. У обгоревшего разрушенного дома нашла крест с отбитой эмалью. Военную юбку замазала землёй, где-то дали кофту. Шла с девушкой из Рязани. Ночевали в разных домах (выбирали победнее). Затем след её [попутчицы] пропал, дальше шла одна. Всё время мёрзла, болела шея. Одна хозяйка посоветовала обратиться в немецкий лазарет в соседней деревне. Но я уже слышала о зверствах фашистов. Они заставляли пленных рыть окопы, потом зарывали пленников.

Однажды за деревней остановил немецкий патруль. Офицер наставил к виску пистолет: «Партизан?». Приказал показать, что в мешке. Я достала крест, немец сильно побледнел. До сих пор помню его лицо. Показал, в какую сторону идти. Шла, не оглядываясь, к лесу около километра. Всё ждала выстрела в спину. Скрывшись за деревьями, села, подкосились ноги.

В одной деревне под Москвой прямо под окнами стояло много свежих деревянных крестов на могилах. Всё была территория, оккупированная захватчиками. Расспрашивала у местных, есть ли немцы, какие дальше деревни. Шла через Верею, Можайск, Волоколамск, Клин.

В декабре 1941 года вышла к нашим в город Дмитров. Вызвали меня в военкомат: «Где родилась? Где училась?». Проверяли. Узнав, кем работала, проверяющий засмеялся. Худая, в оборванной одежде, не была я похожа на зубного врача.

Домой ехала через Москву. Столица была пуста, неприветлива. Было голодно. В поезде заняла верхнюю полку. Внизу сидели лётчики, смотрели неприязненно. Узнав, откуда я, начали расспрашивать. В Ярославле зашла к сестре Вере в паспортный отдел Краснопереконского района. Узнала от неё, что ушли на фронт старшие братья Павел, Анатолий, Костя. Воюет муж сестры Вали – Григорий. Ушли на фронт многие одноклассники и односельчане.

Затем поехала в Ильинское к бабушке и маме. Бабушка Анна удивилась: «Чьи это сапоги стучат в сенях?». После возвращения в Ярославль была направлена в город Горький для проверки (все были из окружения). Писали в архиве, разгребали снег.

В марте 1942 года направили в Рязань в эвакогоспиталь № 3450, впоследствии – № 3013. Начальником госпиталя был майор Мармур Константин Евгеньевич. К тому времени фашистов теснили всё дальше от Москвы. Часто вместо деревень стояли одни печки».

Рязанский госпиталь № 3013 шёл за линией фронта, повторяя все ма-

невы. В 1943 году началась битва на Курской дуге. С этой поры усилились бомбёжки. Во время обстрела персонал, не находящийся на дежурстве и расквартированный у жителей населённого пункта, был обязан явиться в госпиталь. Обстрелы были по несколько раз за ночь. В одном населённом пункте мама поселилась в доме у моста через реку. Однажды ночью мама проснулась от своего крика: перед лицом колыхалось огненное облако. Рядом стояла хозяйка дома с кружкой воды.

«В 1944 году работали в городе Проскурове (ныне – Хмельницкий). Рядом располагались чехословацкие и английские войска. С Украины передислоцировались в польский город Жешув, затем – Тарнобжек. В Германии вошли в город Намслау, затем – Зорау. В Зорау я жила в двухэтажном доме. Немка-хозяйка шила

униформу для русских офицеров. Эта территория отошла Польше. Немцам было приказано в 24 часа покинуть дома. Люди уходили западнее, несли узлы с вещами, вели за руки детей, катили на тележках стариков. Оставляя дома, немцы часто минировали дорожные вещи. Были случаи – наши подрывались. К столовой часто подходила кудрявая девочка лет пяти: «Пожалуйста, хлеба».

Фото сделано в 1947 году (на обратной стороне фотографии подписано: «В центре майор медицинской службы Солдатов, начальник госпиталя»). Фотография предоставлена учителем А.А. Морозовым.

1947 год. Мама за работой.

уфа мамин
 дорогой мамин
 от дочери Тати.
 Во время работы в
 сестринском
 ст. Чебаково.
 сентябрь м.ч 1947.
 Татяна

Нам предложили посетить Чехословакию, Венгрию или Берлин. Наши сотрудники выбрали Берлин... Рейхстаг разрушен, надписи на стенах. Справа – Бранденбургские ворота. По улицам ходили английские и американские патрули. Зашли на базар. У пожилого немца в коричневом пальто и шляпе я купила часы. В ресторане сидели вместе с американцами. Играл духовой оркестр. Доктор Осипов вышел плясать. Американцы кричали: «Бис!». На улице к машине подошёл русский эмигрант, попросил подвезти. Не взяли.

В Зорау находился больничный квартал: госпиталь, лаборатория, столовая, штаб. Персонал работал русский, и раненые лечились наши. Приказом № 173 от 3.04.1945 мне было присвоено звание «Старший лейтенант медицинской службы (на-

чалник зубо врачебного отделения)». В этом качестве я проработала до декабря 1945 года.

Началась демобилизация. Уходили эшелоны на Украину, на Москву. Приехала и я в родной Ярославль».

Погибли два маминых брата: сложил голову под Тулой Павел Николаевич Галочкин, где-то под Ленинградом лежит в безымянной братской могиле Константин Николаевич Галочкин. Погиб где-то под Можайском муж старшей сестры Вали – Григорий Константинович Киселкин. Под Орлом остался его двоюродный брат Александр Фёдорович Киселкин. Погиб на Урале лётчик, перегонявший американские самолёты, двоюродный брат Алексей Николаевич Фадеев. И так – в каждом доме маленького села Ильинское и других окрестных деревень... Интересный факт рас-

сказали нам жители села: в снежную зиму 1945–1946 годов в Ильинском, в том числе и у нашей бабушки Нади, проживали пленные немцы. Техники не хватало, они помогали расчищать дороги.

Мама искала работу. Устроилась в госпиталь военнопленных на станции Чёбаково под Тутаевом.

В нашем семейном архиве хранятся два письма начальника эвакогоспиталя К.Е. Мармур (из Миргорода от 20 мая 1946 года и 1 марта 1947-го). Бумага пожелтела, поблекли чернила. Он пишет: «...Своим письмом Вы всколыхнули то, что было так дорого от Рязани до Зорау. Очень рад, что Вы устроились на работу, да ещё вблизи от дома, имея возможность бывать в кино и пользоваться баней, чего не могли нам предоставить вожди облздра в Виннице. Старайтесь только

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2				3	4
				<u>Специальный альб 5365</u>		
1.	1946	V	8.	Записана в штат на должность	специальным зубного врача.	прик. № 129 от 7/V 46г.
2.	1948	V	7.	Уволена из штата в связи с увольнением штатной	в связи с увольнением	прик. № 128 от 6/V 48г.
				Нач. ср 5365 майор м/с		

подыскивать более прочное место, так как работа в таком госпитале, видимо, носит временный характер.

...Поверьте, иногда жалею, что нет уже нашего 3013-го, нет Бурмистрова, Чернова, Петровича с трубкой и целого ряда хороших и плохих сотрудников. Нет самостоятельности, «утренних молитв» (Пятиминуток. — Е.Г.) и т.д. Тяжело было работать в Сапогово, в Проскурове! То время даже неприятно вспоминать. Лучшие условия были в Стрельце, Зорау. Помню, хорошо помню, как Вы боялись бомбёжек в Проскурове, как Вы в щели лезли».

Константин Евгеньевич рассказывает о своей семье, кто ему пишет, кого он встречал из сотрудников, кто и где сейчас устроился на работу, кто поступил учиться.

«Несколько дней тому назад у меня был гость — лётчик Валя. Помните, в Проскурове у нас лежали два корешка. В общем, Лёша — последний учащал к Вере Яковлевне Бергард, а впоследствии погиб под Львовом. <...> Месяца два назад был в Одессе и случайно встретил Яругскую. Она заканчивает мединститут и в первых числах марта должна уехать в Бессарабию. В Виннице был месяца четыре назад. Видел Сперанского, он уже не такой страшный, как в Рязани и Курске»...

Эти письма помогают узнать путь госпиталя, который перемещался за фронтом.

Вернусь в Чебаково: согласно записям в трудовой книжке, мама работала там с 8 мая 1946-го по 7 мая 1948 годы. Госпиталь размещался в здании школы. Читаю дальше строки воспоминаний мамы: «Руководил госпиталем майор Солдатов Николай Александрович. Он хромал. Жену его звали Нина

Выписки из трудовой книжки Татьяны Галочкиной, сделанные в госпитале.

Фото писем.

Мемориал в Чебаково.

1.3.47.

Привет, тилау Татьяне Николаевне!

Вот совсем не ожидал получить Ваше письмо. Да, и в самом деле! Это теперь бывший начальник? Это же в военной усадьбе! Спасибо, что вспомнили. Своим письмом Вы всколыхнули то, что было так дорого ай Рязани до Зорау. Прикажем же только саусаемь, что своей судьбы мы не знаем, своей усадьбы устраивать не можем.

Несколько дней тому назад у меня был гость лётчик Валя. Помните в Проскурове у нас не-

Терентьевна. У них был сын Коля. Практиковали пленные врачи: хирург Штатгауэр, лаборант Зальцман, Вольф, венгр Вернер. Наши: Капустин из города Данилова, Колбановская. Мы изучали, в пределах лечебного общения, немецкий язык. Общаться с пленными не разрешали, но люди есть люди. Санитаром в зубном кабинете

работал молодой немец, совсем мальчишка. Один пленный узнал, что я работала в Зорау. Оказалось, что один из домов, занятых эвакуогоспиталем в конце войны, принадлежал его семье». Мама любила немецкий язык, учила нас пословицам, напевала песни. Я с детства запомнила: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute!».

Сейчас в школе Чёбакова имеется музей. Учитель географии и информатики Александр Анатольевич Морозов прислал мне фотографию сотрудников госпиталя. По какой-то причине мама отсутствует. Имеется надпись, что в центре снимка – Н.А. Солдатов. Несомненно, что рядом с ним – его жена Нина Трофимовна и их сынок Коля.

Под руководством учителя А.А. Морозова ученица школы Алёна Каспирович написала доклад «Эхо минувшей войны» для участия в краеведческой конференции. В эту работу включены воспоминания местных жителей и сотрудников госпиталя.

Из рассказа Николая Павловича Соколова стало известно, что в первые годы войны в школе располагался советский госпиталь, где лечили наших раненых, а школа находилась рядом в двухэтажном здании, где сейчас находится детский сад. Зимой 1943 года привезли первых немцев, их почти не охраняли. Кроме русских врачей в госпитале был врач-немец. Мама говорила, что когда в 1948 году родились мои сёстры-близнецы, немецкий врач приходил их лечить. Одна из сестёр была очень плоха, и он сказал, что она не выживет. Его опасения подтвердились. Электрическое освещение в годы войны имелось только на станции и в госпитале. Начальником подстанции был немец военнопленный. Он был хорошим мастером: местные жители носили к нему ремонтировать часы и другие вещи. После окончания войны в 1952 году он уехал на родину в Германию.

Некоторые немцы хорошо понимали русский язык и говорили по-русски. Нам, ребятишкам, они делали за 2–3 кусочка хлеба деревянные игрушки.

Зоя Алексеевна Селянина, работавшая в госпитале с 1945 по 1948 годы сначала медсестрой, потом медстатистом и секретарём-машинисткой запомнила, что военнопленные были разных национальностей: немцы, венгры, румыны – и все в основном с диагнозами «дистрофия третьей степени» и «туберкулёз». Один из военнопленных хорошо играл на пианино и пел, другой был художником. Одна его картина до сих пор хранится у родственников Зои Алексеевны.

Очень интересен рассказ Полины Дмитриевны Рассказовой. Эта пожилая женщина сохраняет здравый ум и, на удивление, свежую память. На войну она призывалась Угличским военкоматом, всю войну работала в различных госпиталях. А в феврале 1945 года её перевели в Чёбаково, в спецгоспиталь № 5365, медсестрой.

Первых, кого она принимала, были военнопленные из-под Кёнигсберга. Это было 21 мая 1945 года. Они были очень тяжёлые, многие не подлежали лечению и умирали. Работали медики круглосуточно, лекарств было много и всяких.

Военнопленные были очень тяжёлые, кормили их хорошо, сначала шесть раз в день, потом четыре, затем перешли на трёхразовое питание. У госпиталя было своё подсобное хозяйство на нескольких гектарах земли у деревни Аксёново. Там работали выздоравливающие во-

еннопленные, а в уборочную страду – и все сотрудники госпиталя. Сажали много картофеля, выращивали капусту и другие овощи. Капусту квасили в больших чанах. Лошадей в то время практически не было, поэтому чтобы что-то привезти, немцы впрягались в телегу или сани по 8–10 человек. Время было голодное, но больным каждый день давали белый хлеб с маслом, обед и ужин были мясные. Кроме этого им давали рыбий жир и витамины. В госпитале было две кухни: для военнопленных готовили немецкие повара, для русского медперсонала – русские.

Начальник госпиталя майор медицинской службы Солдатов хорошо относился к военнопленным и всему персоналу наказывал строго-настрого, чтобы относились к ним как к больным, а не как к врагам.

Хотя спецгоспиталь был окружён колючей проволокой и охранялся советскими солдатами, передвигаться по посёлку военнопленные могли свободно. Попыток побега не было. А немецким врачам и обслуживающему персоналу разрешалось ездить в Ярославль. Немецкие врачи помогали местным жителям: лечили детей, принимали роды.

Надежда Павловна Тарелкина (Беспалова), работавшая во время войны в госпитале санитаркой, вспоминает, что немцы были очень чистоплотны и аккуратны. Все работы по госпиталю распределяли между собой и выполняли их аккуратно и добросовестно. В госпитале был почтовый ящик, поэтому они писали письма на родину и получали ответы. На тумбочках у некоторых были фотографии родных.

Как вспоминает Зинаида Ивановна Кабанова, её дед даже подружился с одним из немецких офицеров, который знал толк в целебных травах. Мать Зинаиды Ивановны готовила обеды и кормила пленных. После войны и русские, и немцы мирно обсуждали житейские вопросы.

В 1948 году между СССР и Германией произошёл обмен военнопленными, госпиталь расформировали.

А дома у нас хранится фотография с надписью: «Во время работы в спецгоспитале. Сентябрь 1947 г. Т. Галочкина». На снимке мама в шапочке и халате, в кресле сидит военнопленный.

Мама часто вспоминала Зою Быкову из Грязовца, которая перед войной оказалась в Бресте, – какова её судьба? На сайте ОБД Мемориал я нашла, что Быкова Зоя Максимовна, 1920 г.р., б/п, зубной врач, пропала без вести в 1941 году. Отец её проживал в Вологодской области, Марковский с/с, д. Легково... •

